

И. А. КАЗАКОВА

РУССКО-ДАТСКИЕ ТОРГОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В КОНЦЕ XV—НАЧАЛЕ XVI в.

Торговые сношения между Россией и Данией, зародившиеся еще на заре русской государственности и продолжавшиеся вплоть до XII в., в последующие столетия резко сокращаются, а может быть, и совсем прерываются (во всяком случае, никаких известий о них за XIII—XV вв. в письменных источниках не имеется).¹ Объяснение этому кроется, на наш взгляд, в татарском завоевании, вызвавшем временный экономический упадок Руси, с одной стороны, а с другой — в установлении на Балтийском море господства Ганзы, захватившей в свои руки монополию на посредническую торговлю между русскими землями и странами Западной Европы. Вновь оживляются торговые связи между Россией и Данией лишь в конце XV в.

Создание благоприятных условий для возобновления и развития русско-датских торговых отношений было обусловлено в значительной степени политическим сближением между Россией и Данией, имевшим место в 90-е годы XV в. В 1493 г. между Иваном III и датским королем Иоанном был заключен договор о «дружественном и вечном союзе» — первый договор между Россией и Данией. Острие договора было направлено против Швеции, с которой у обоих государств имелись противоречия: у Дании — в связи с борьбой шведов за независимость, у России — из-за порубежных вопросов. Оба государя давали обязательство оказывать друг другу взаимную помощь против Швеции. Датский король обещал, кроме того, «быти за один» с великим князем московским «против врага и неприятеля его князя литовского». Помимо статей о военно-политическом союзе, договор включал статьи о регулировании порубежных дел, о беспрепятственном просезде послов и, наконец, статьи, касающиеся торговых сношений.²

¹ См. статью И. П. Шаскольского в настоящем сборнике (стр. 16).

² Собрание государственных грамот и договоров (далее — СГГД), ч. V. М., 1894, № 110.

Первая из статей, посвященных вопросам торговли, гласила: «Купцы и всякие торговые люди обеих держав могут свободно переезжать по суше и по водам из одного в другое государство и производить торговые дела свои без всякого опасения и помешательства (помехи, — *И. К.*) с платежом определенных по обычаю земли пошлин, и таковых обоюдно блюсти и расправу им чинить в правду без хитрости».³ Приведенная статья предоставляла купцам каждой из договаривающихся сторон, находящихся во владениях другой, три гарантии: 1) беспрепятственного проезда и торговли, 2) уплаты пошлины в размерах, установленных в данном государстве, 3) защиты со стороны местных властей (так следует понимать формулу «таковых обоюдно блюсти») и справедливого суда. Эти гарантии были обычными для предоставляемых иноземным купцам гарантий в русских землях на основе международных договоров России того времени.⁴ Большие привилегии имели лишь ганзейские купцы, владевшие в Новгороде собственными торговыми дворами, уплачивавшие пошлины в твердо установленных договорами размерах и в случае конфликтов между собою подлежавшие суду властей немецкого двора. Но вместе с тем рассматриваемая статья русско-датского договора 1493 г. давала датским купцам по сравнению с ганзейскими, а также купцами других западноевропейских государств, торговавших в России, одно важное преимущество: согласно буквальному смыслу статьи, датские купцы получали право торговли в России безо всяких территориальных ограничений, в то время как торговля ганзейских и ливонских купцов ограничивалась Новгородской и Псковской землями, литовских купцов — Новгородской, Псковской и Тверской землями.⁵ Правда, право торговли в России без территориальных ограничений, предоставленное по договору 1493 г. датским купцам, имело, вероятно, формальный характер, так как вряд ли датские купцы ездили во внутренние районы России, по юридически они это право получили.

Если рассмотренная нами статья русско-датского договора 1493 г. содержала общие гарантии свободы торговли, защиты со стороны местных властей и справедливого суда для купцов, находящихся на чужбине, то следующая статья договора, также относящаяся к вопросам торговли, трактует более частный вопрос. «И если случайно некоторые из наших подданных, застигнутых бурей на море, — гласит текст статьи, — причалят к берегам

³ Там же, № 110, стр. 130.

⁴ Ср. русско-литовский договор 1494 г. и русско-ливонские договоры 1481 и 1493 гг. (СГГД, ч. V, № 29, стр. 18; Акты, относящиеся к истории западной России, т. I. СПб., 1846, №№ 75, 112, стр. 97, 132). В этих договорах пункт об уплате пошлин в размерах, установленных в данном государстве, отсутствует.

⁵ Ср. названные выше договоры, а также русско-ганзейский договор 1487 г. (Hanserecesse, 3-te Abteilung (далее — HR 3), Bd. II. Leipzig, 1883, № 136).

его (великого князя московского, — *Н. К.*) государства или которые из подданных его к берегам нашего (датского короля, — *Н. К.*) владения, таковых обоюдно мы и он, наши и его приставы и смотрители, должны не только оставлять неприкосновенными пожитки и товары, но и оказывать им возможную помощь без всякой мзды и притеснения, взимая, впрочем, с них положенную по обычаю земли тамгу».⁶ Статья по своему содержанию делится на две части. В первой части формулируются две связанные между собою юридические нормы: 1) освобождение датчан и русских, потерпевших кораблекрушение и бурю прибитых к чужому берегу (имелись в виду, конечно, в первую очередь купцы), от действия берегового права — права присвоения жителями прибрежной полосы выброшенного на берег имущества, 2) обязательство местных властей оказывать пострадавшим безвозмездную помощь в спасении их имущества и товаров. Во второй части статьи указывалось, что положенную по обычаю земли «тамгу» с потерпевших кораблекрушение власти должны были взимать, т. е. здесь подчеркивалось, что кораблекрушение и потеря части товаров не освобождали купцов от уплаты причитающихся с оставшейся части товаров торговых пошлин.

В более ранних международных договорах Руси статья об освобождении от берегового права встречается лишь в договоре Олега с греками 911 г. и договоре Смоленска с Ригой и Готландом 1229 г.⁷ Последующие договоры вплоть до конца XV в. вопроса о судьбе имущества потерпевших кораблекрушение вообще не касаются, что было обусловлено, как нам представляется, сокращением в это время заморских поездок русских купцов. Включение же в русско-датский договор 1493 г. статьи об освобождении от берегового права несомненно находилось в связи с возобновлением в XV в. заморских плаваний русских купцов. Статья отвечала, по нашему мнению, в первую очередь интересам русской стороны: в России, являвшейся преимущественно державой сухопутной, береговое право не имело корней,⁸ и поэтому для датских купцов оформленное договором освобождение от него никаких новых льгот не давало; для русских же купцов, чьи поездки в Данию предусматривались договором, это освобождение было важным, так как в Дании, так же как и в других странах Балтийского моря, береговое право применялось.⁹ Рассмот-

⁶ СГГид, ч. V, № 110, стр. 130.

⁷ Памятники истории Киевского государства IX—XII вв. Л., 1936, стр. 35; Памятники русского права, вып. II. М., 1953, стр. 69.

⁸ Об отсутствии берегового права в Новгороде Великом, предшественнике Русского государства в обладании отрезком побережья Финского залива, см.: И. Э. Клейнбергер. К вопросу о существовании в Новгороде Великом X—XII вв. берегового права. «Правоведение», 1960, № 2, стр. 158—161.

⁹ V. Niitemaa. Das Strandrecht in Nordeuropa im Mittelalter. Helsinki, 1955.

решные нами статьи договора 1493 г., касающиеся торговли, создавали впервые в истории русско-датских отношений определенные юридические, гарантированные межгосударственным договором основания для развития русско-датской торговли.

После смерти Ивана III и вступления на престол Василия III русско-датский договор в 1506 г. был возобновлен. Договор 1506 г. между Василием III и Иоанном повторял текст договора 1493 г. (для составления договорной грамоты Иоанна был использован черновик грамоты 1493 г.),¹⁰ таким образом, статьи договора 1493 г., трактующие вопросы торговли, в 1506 г. были подтверждены новым договором.

В источниках есть сведения о том, что благоприятные условия для развития русско-датской торговли, созданные в результате заключения договоров 1493 и 1506 гг., реализовались. Так, в письме Ревеля Любеку от начала февраля 1495 г. содержится просьба принять меры, чтобы воспрепятствовать подвозу товаров русским в Нарву и на Неву, в частности, из Дании;¹¹ письмо Ревеля свидетельствует о том, что поставки товаров русским датскими купцами в это время имели место. Поставки эти представляли для русских в рассматриваемое время существенное значение, так как в ответ на закрытие немецкого двора в Новгороде в ноябре 1494 г. Ревель и Рига, два важнейших посредника в торговле между Россией и Западной Европой, наложили запрет на торговлю с русскими.¹²

Этот запрет вскоре был снят, но затем в связи с войной между Россией и Ливонией 1501—1503 гг. русско-ливонская и русско-ганзейская торговля была прервана (если не считать контрабандной торговли, производившейся преимущественно через Выборг). Возможности для торговли России с Ливонией вновь появились лишь после заключения русско-ливонских договоров 1509 г.,¹³ с Ганзой — русско-ганзейского договора 1514 г.¹⁴ Частичное же возобновление русско-немецкой торговли в Дерпте и Нарве начиная с 1505—1506 гг. «явочным порядком» (без снятия официального запрета)¹⁵ не могло, естественно, полностью удовлетворить потребности России. К тому же Орден чинил помехи

¹⁰ Ю. Н. Щербачев. Копенгагенские акты, относящиеся к русской истории, вып. I. «Чтения Московского общества истории и древностей российских», 1915, кн. 4. отдел II (далее — Копенгагенские акты), № 2.

¹¹ Liv- Est- und Kurländisches Urkundenbuch, 2-te Abteilung (далее — LUB 2), Bd. I. Riga, Moskau, 1900, № 143.

¹² LUB 2, Bd. I, №№ 83, 84, HR 3, Bd. III. Leipzig, 1888, № 478 (письма Ревеля Дерпту и Любеку от середины ноября 1494 г. и письмо съезда ливонских городов в Валке вендским городам от 1 апреля 1495 г.).

¹³ LUB 2, Bd. III. Riga—Moskau, 1914, №№ 583, 584; Книга посольская метрики Великого княжества литовского, т. II. М., 1843, № 70.

¹⁴ СГГид, ч. V, № 65.

¹⁵ B. K e n t m a n n. Livland im russisch-litauischen Konflikt. Die Grundlegung seiner Neutralitätspolitik (1494—1514). Reval, 1930, S. 46.

ввозу в Россию ряда необходимых для нее товаров, в частности оружия; с этой целью принятые ливонскими ландтагами еще перед войной 1501—1503 гг. запреты ввоза в Россию как собственно военных материалов и оружия (пушек, пороха, селитры и т. д.), так и товаров, которые могли быть использованы для военных нужд (меди, олова, свинца, проволоки, металлической посуды и т. д.), сохранялись и после войны в первом десятилетии XVI в.¹⁶ Развитие торговли с Данией, а также со Швецией становится для России особенно важным, так как эта торговля в какой-то степени компенсировала почти прерванную русско-немецкую торговлю и являлась каналом, по которому осуществлялись экономические сношения России с Западной Европой.

Оживленная русско-шведская торговля велась в начале XVI в. через Выборг.¹⁷ Центром русско-скандинавской торговли становится в это время и Ивангород, основанный Иваном III в 1492 г. и являвшийся не только сильнейшей пограничной крепостью, но и торговым портом. 8 мая 1505 г. Ревель писал Любеку, что датчане, шведы и странствующие купцы по желанию великого князя посещают Ивангород и что, если они будут продолжать там торговлю, то это приведет к гибели Ревеля. Вопрос о торговле в Ивангороде неганзейцев и купцов «чужих наций» (под которыми подразумевались в первую очередь, конечно, скандинавы — шведы и датчане) обсуждался на съезде ливонских городов в Ваве в 1506 г.; съезд отметил, что эта торговля совершается «ко вреду» Дерпта и Ревеля.¹⁸

В поставках в Россию необходимых для нее материалов участвовало и само датское правительство, о чем имеются интересные сведения в письме правителя Швеции Сванте Нильссона Стуре рату Данцига от 10 апреля 1508 г. Передавая рату Данцига различные новости, Сванте Нильссон Стуре пишет, в частности, что один из пленных, находившийся ранее на службе у наместника Готланда (Готланд принадлежал в рассматриваемое время Дании, с которой Швеция вела борьбу), сообщил, что король Дании Иоанн отправил прошлой осенью (т. е. в 1507 г.) русским корабль с 30 ластами военного снаряжения (1 ласт равен 125 пудам). На корабле находились «медь, олово, свинец, ядра и порох для пушек и формы, при помощи которых отливают

¹⁶ Akten und Recesse der livländischen Ständetage, Bd. III. Riga, 1909 (далее — AR), № 10, § 4; № 12, §§ 63—65; № 29, § 13; № 35, § 37; LUB 2, Bd. II. Riga—Moskau, 1905, № 702 (рецессы ландтагов в Валке от 3—6 июля 1498 г., в Валке от 9—12 сентября 1499 г., в Вольмаре от июля 1504 г., в Вольмаре от 18—25 июля 1507 г., письмо Ревеля ливонскому магистру от 31 декабря 1504 г.).

¹⁷ R. Kentmann, op. cit., SS. 43—44; Н. А. Казакова. Малоизвестные источники о русско-прибалтийской торговле конца XV—начала XVI века. В сб.: Вспомогательные исторические дисциплины, I, Л., 1967, стр. 271—274.

¹⁸ LUB 2, Bd. II, № 758; AR, № 30, § 17.

полушланги и целые шланги (длиноствольные облегченного калибра орудия, применявшиеся преимущественно в полевом бою, — *Н. К.*), и четыре превосходных мастера из Шотландии, которые имеют опыт в отливке таких полушлангов и целых шлангов».¹⁹ Несомненно, что поставки военных материалов в Россию датское правительство производило в порядке реализации договора о союзе и помощи, а посылку пушечных мастеров, завербованных, очевидно, в Шотландии в силу дружественных отношений с нею Дании,²⁰ — в исполнение просьбы русского правительства о вербовке в Дании и в других странах для службы в России различных мастеров.²¹

В 1513 г. король Дании Иоани умер и на престол вступил Христиан II. Христиан II продолжал политику своего отца в отношении России.²² С 1514 г. между Христианом II и Василием III начались переговоры о заключении нового договора,²³ что и произошло в 1516 г. Договор 1516 г. повторял с незначительными изменениями содержание договоров Иоганна с Иваном III 1493 г. и Василием III 1506 г. Он включал статьи о союзе и взаимопомощи против Швеции и Польши, о порубежных делах, посольских и торговых сношениях.²⁴ Торговые статьи договора 1516 г. повторяли полностью соответствующие статьи предыдущих договоров.

С 1514 г. параллельно с переговорами о заключении нового русско-датского союзного договора велись переговоры о предоставлении датским купцам в России дополнительных льгот. В инструкции от 5 июля 1514 г. послу короля Христиана II, герольду Давиду, отправляемому в Россию, предписывалось, в частности, просить о предоставлении датчанам двора в Новгороде и особых льгот с обещанием при этом таких же прав подданным великого князя, которые будут посещать Данию и Норвегию.²⁵ Переговоры о предоставлении датчанам особого двора вызвали большую тревогу среди ганзейских, особенно ливонских, городов, справедливо усматривавших в этом проекте новую угрозу своей и без того

¹⁹ HR 3, Bd. V, Leipzig, 1894, № 363.

²⁰ Г. В. Форстен. Борьба из-за господства на Балтийском море в XV и XVI столетиях. СПб., 1884, стр. 170—187.

²¹ Копенгагенские акты, № 4, стр. 6 (посольство русских посланцев, отправленное к королю датскому в феврале или марте 1501 г.).

²² Краткий обзор сношений Христиана II с Василием III, но без интересующего нас специального анализа торговых отношений между Россией и Данией в рассматриваемое время, дается в статье К. Сельнеса (K. Selnes. König Christiern II und Russland. «Scando-Slavica», Т. VII, Copenhagen, 1961, SS. 306—314).

²³ Русские акты Копенгагенского государственного архива, извлеченные Ю. Н. Щербачевым. «Русская историческая библиотека», т. XVI, СПб., 1897 (далее — Русские акты), №№ 1—5, 7.

²⁴ Там же, № 8 (договорная грамота великого князя Василия Ивановича с датским королем Христианом II от 9 августа 1516 г.).

²⁵ Копенгагенские акты, № 13.

уже колеблющейся монополии на посредническую торговлю между Россией и Западом. Ливонские города жадно ловили известия, поступающие из Москвы, и тотчас передавали их другим ганзейским городам; поэтому в переписке ливонских городов имеются сведения, освещающие ход русско-датских переговоров по вопросам торговли. В письме от 2 мая 1516 г. Ревель писал Любеку, что датский посол хлопочет не только о готском дворе в Новгороде (речь шла, очевидно, о передаче датским купцам принадлежавшего до сих пор ганзейцам готского двора в Новгороде, — *Н. К.*), но и об основании в Ивангороде нового двора для нужд датских купцов. Ревель высказывал далее опасения, что если этот проект будет осуществлен, то все товары, купленные в Новгороде, будут поступать в Ивангород и оттуда на судах в Копенгаген и далее на Запад, что будет означать большой ущерб для немецкого купечества и ганзейских городов, особенно ливонских.²⁶ Письмо с сообщением о возможной передаче готского двора в Новгороде датчанам написал Любеку и Дерпт.²⁷ 20 сентября 1516 г. Ревель в новом письме Любеку сообщал о проезде через Ревель датского посла герольда Давида, возвращавшегося на родину в сопровождении «большого» русского посольства к датскому королю. К сообщению рат Ревеля присовокупил известие о том, что имеется слух (исходивший, вероятно, от датского посольства или от русского, — *Н. К.*) о предоставлении великим князем для датчан и других иноземных купцов места в 40 футов шириной и 60 футов длиною с тем, чтобы как можно скорее его застроить.²⁸

Результатом русско-датских переговоров по вопросу о положении датских купцов в России явилось дарование им Василием III в июле 1517 г. особой жалованной грамоты.²⁹ Грамота начинается с введения, в котором излагается переданная через герольда Давида просьба датского короля к великому князю Московскому о предоставлении датским купцам в Новгороде и Ивангороде особых мест для постройки там дворов и церквей и разрешении торговать им всеми товарами без исключения. За введением следует позитивная часть грамоты, содержащая изложение тех прав, которые Василий III предоставил датским купцам в Русском государстве в ответ на просьбу датского короля.

Согласно первой статье грамоты, купцы получали в Новгороде и Ивангороде места для постройки дворов: в Новгороде — у Волхова против Лубяницы длиною в шестьдесят сажень, шириною в тридцать сажень, в Ивангороде — «на посаде, за весчею избою,

²⁶ IIR 3, Bd. VI, Leipzig, 1899, № 705.

²⁷ Ibid., № 727, § 27 (рефесс съезда вендских городов в Любеке от 8 октября 1516 г.).

²⁸ Ibid., S. 849, A. 2.

²⁹ Русские акты, № 9.

под горою, против стрелницы и ворот, которыми в город ездят», длиною в 30 сажен, шириною в 20 сажен; при дворах разрешалось поставить церкви и держать при них «попа или мниха».³⁰ До жалованной грамоты датским купцам собственные дворы и церкви имели в Русском государстве только ганзейские купцы; им принадлежали в Новгороде два двора: немецкий двор и готский, принадлежавший сначала купечеству Готланда, но со временем перешедший (на правах аренды) в руки ганзейского купечества. Теперь право иметь собственные дворы получили и датские купцы, причем, если ганзейские купцы имели дворы только в Новгороде, то датские получали двор и в Ивангороде, игравшем, как мы это указывали, в начале XVI в. во внешней торговле России значительную роль. Датские купцы ставились, таким образом, в одинаковое положение с ганзейскими и даже получали по сравнению с ними некоторое преимущество (двор в Ивангороде). В вопросе о дворах позиции ганзейского купечества были сохранены лишь в одном отношении: готский двор, о передаче которого датскому купечеству хлопотал в 1516 г. герольд Давид, остался за ганзейцами; из жалованной грамоты следует, что датчанам было предоставлено в Новгороде место для постройки нового двора.

Вторая статья жалованной грамоты предоставляла датским купцам право свободной торговли «в Великом Новгороде и на Ивангороде, и в иных наших (великого князя, — *И. К.*) государствах всяким товаром без вывета по тому ж, как есмь пожаловали купцов семидесяти трех городов, ослободили есмь им торговати в своих государствах всяким товаром без вывета».³¹ Согласно тексту жалованной грамоты, датские купцы получали право свободной торговли в России всеми товарами без исключения («без вывета») подобно ганзейским купцам. Это и так, и не так. По русско-датским договорам 1493, 1506 и 1516 гг. датские купцы пользовались правом свободной торговли — «торговати . . . добровольно»,³² но указания о том, что право свободной торговли распространялось на все товары без исключения, в них нет. Право же ганзейских купцов на свободную торговлю всеми товарами без исключения («без вывета») было зафиксировано русско-ганзейским договором 1514 г.³³ Таким образом, в этом отношении датские купцы действительно приравнивались, как гласит текст жалованной грамоты, к ганзейским купцам. Но было и существенное различие. Право торговли ганзейских купцов в русских землях было, как мы это уже указывали, территориально ограниченным. Торговля же датских купцов в России со времени заключения русско-датского договора 1493 г. не была связана никакими

³⁰ Там же, стлб. 22—23.

³¹ Русские акты, № 9, стлб. 23.

³² Там же, № 8, стлб. 20 (приведена формула из договора 1516 г.).

³³ СГГид, ч. V, № 65, стр. 56. — В более ранних русско-ганзейских договорах формула «торговати всяким товаром без вывета» отсутствует.

территориальными ограничениями. В жалованной грамоте 1517 г. специально подчеркивалось, что торговать «всяким товаром без вывета» датские купцы могут в Новгороде и Ивангороде «и в иных наших государствах», т. е. на территории всей России. Таким образом, на основе второй статьи жалованной грамоты датские купцы в отношении права свободной торговли всеми товарами без исключения не просто приравнивались к ганзейским купцам, но и оказывались по сравнению с ними в привилегированном положении.³⁴

Третья и четвертая статьи жалованной грамоты посвящены вопросам юрисдикции и судопроизводства.³⁵ Третья статья делится на две части. Первая часть ее гласит: «А в нашем государстве, в котором городе почтетца какво дело датские земли человеку с нашим человеком, ино ему туто и управа дати в какове деле ни буди, по исправе и по сей грамоте, и по крестному целованию». В этой части статьи формулируется принцип подсудности датских купцов властям того города, где они находятся, причем подчеркивается, что суд должен производиться в соответствии с жалованной грамотой («по сей грамоте») и нормами договора («по крестному целованию»). Во второй части указывается, что если ответчика присудит «к целованию», то он должен целовать крест, будет ли ответчик «наш человек», т. е. русский, или «немчин», т. е. датчанин; в данном случае излагается один из встречавшихся в русском праве вариантов судебного решения и устанавливается обязательность его для ответчиков обеих национальностей. В четвертой статье формулируется общий принцип, которым должны были руководствоваться русские судебные органы в отношении датчан: «А судити в наших государствах в Великом Новгороде и на Иванегороде немчина, как и своего новгородца и ивангородца». Этот принцип предусматривал для датчан равный с русскими суд.

По сравнению с имевшимся в русско-датских договорах положением о том, что русские власти должны «блюсти» датчан и «управа им давати ... по нашему обычею, в правду, без хит-

³⁴ Правом свободной торговли «всяким товаром без вывета» в русских землях пользовались также ливонские купцы со времени заключения русско-ливонского договора 1421 г. (Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.—Л., 1949, № 60, стр. 99), но это право ограничивалось для них территорией Повгородской и Псковской земель. Согласно русско-литовскому перемирию 1503 г., великий князь московский предоставил литовским купцам право «во все наши земли прнехати со всяким товаром и торговати на всякий товар» (Сб. РИО, т. 35, стр. 401), т. е. право торговли всеми товарами во всех русских землях, но по русско-литовскому договору 1509 г. это право было ограничено территорией Новгородской, Псковской и Тверской земель (СГГид, ч. V, № 59, стр. 50—51); территориальные ограничения для торговли литовских купцов были окончательно сняты лишь по договору 1523 г. (там же, № 97, стр. 98—99).

³⁵ Русские акты, № 9, стлб. 23—24.

рости», рассматриваемые статьи жалованной грамоты не вносили в статут датских купцов ничего принципиально нового; они представляли собой лишь дальнейшее развитие и детализацию этого положения, суть которого заключалась в принципе подсудности датских купцов, находящихся в России, русским властям.

Принцип подсудности русским властям иноземных купцов в случае их конфликтов с русскими был обязательным вплоть до начала XVI в. для всех иноземных купцов, находящихся в России. В начале XVI в. происходит некоторое ограничение его применительно к ливонским и ганзейским купцам. По русско-ливонским договорам 1509 г. купцы, находящиеся на чужбине (русские в Ливонии и ливонские в Новгороде и Искове), подлежали суду местных властей только по тяжбам, иски по которым не превышали 10 рублей; по тяжбам же на большую сумму, а также по всем уголовным делам купцы должны были судиться смешанным судом из представителей обеих сторон, который собирался на пограничном острове на р. Нарове.³⁶ Введения аналогичных принципов юрисдикции в сфере русско-ганзейских правовых отношений представители русского правительства добивались во время русско-ганзейских переговоров 1510 г.³⁷ Благодаря противодействию ганзейских городов по этому вопросу было принято в конечном итоге компромиссное решение, зафиксированное в русско-ганзейском договоре 1514 г.: по всем гражданским делам купцы, находящиеся на чужбине, подлежали полностью суду местных властей, при разборе же уголовных дел на суде местных властей должны были присутствовать представители той стороны, к которой принадлежал виновный (русские представители, если суд происходил над русским в ганзейских городах; ганзейские, — если судили ганзейца в Новгороде).³⁸ Новые принципы юрисдикции, введенные в сфере русско-ливонских и русско-ганзейских правовых отношений в начале XVI в., отвечали интересам русской стороны.³⁹ В силу все большего перемещения в это время центра русско-ливонской и русско-ганзейской торговли из Новгорода в ливонские города русские купцы в большей мере, чем немецкие, попадали в сферу действия чужого права, которое к тому же в ряде случаев было тяжелее русского.⁴⁰ Благодаря же новым принципам юрисдикции они в значительной мере освобождались из-под действия этого права. Отсюда пастойчивость, с которой правительства Ивана III и Василия III добивались изменения

³⁶ LUB 2, Bd. III, №№ 583, 584, SS. 421—422, 426—427; Книга посольская метрики Великого княжества Литовского, т. II, № 70, стр. 165.

³⁷ LUB 2, Bd. III, № 790 (русский проект договора 1510 г.).

³⁸ СГГид, ч. V, № 65, стр. 58—59.

³⁹ Ср.: R. Kentmann, *op. cit.*, S. 63.

⁴⁰ Поводом к закрытию в 1494 г. немецкого двора в Новгороде послужила казнь двух русских купцов в Ревеле, один из которых был сожжен, другой сварен в котле. Таких мучительных казней древнерусское право не знало.

норм юрисдикции в области русско-ливонских и русско-ганзейских правовых отношений. В отношении же датских купцов были оставлены в силе прежние принципы юрисдикции, поскольку благодаря меньшему, чем в Ливонии, развитию торговли русских купцов в Дании у русского правительства не было причин стремиться к пересмотру принципов юрисдикции, действовавших в сфере русско-датских отношений.

Пятая статья жалованной грамоты также была связана с вопросами суда. «А во всяких делех, — гласит ее текст, — знати истцу истца по своей исправе, а порубу в том не быти на обе стороны, и силе никакове над немчином в наших государствах не быти».⁴¹ Эта статья устанавливала, что в случае конфликта между русским и датчанном к ответственности должен привлекаться только ответчик («знати истцу истца»), а на лиц одной с ним национальности репрессии не должны распространяться («а порубу в том не быти на обе стороны»). Статья была направлена против частых в практике русско-балтийской торговли случаев, когда из-за проступка какого-либо иноземца репрессиям подвергались купцы одной с ним национальности, находившиеся на родине пострадавшего. Целью статьи являлось создание твердых правовых оснований для личной безопасности датских купцов, находящихся в России. Формулы этой статьи «а во всяких делех знати истцу истца», «а порубу в том не быти на обе стороны» были заимствованы из русско-ганзейских договоров, для которых они являлись традиционными.⁴²

Шестая статья жалованной грамоты трактовала вопрос о судьбе датского судна, потерпевшего кораблекрушение у русских берегов. Текст ее гласил: «А задерет ветром на море датскую бусу, да прибует ее к нашим государств берегу, и те бусы, обыскав, отдати без хитрости по сей грамоте и по крестному целованию; а имати от тех бус переима от десяти рублей по рублю; а боле будет товару или менши, ино по розчету имати переима от тех бус».⁴³ Статья имела существенные отличия от аналогичных статей русско-датских договоров 1493, 1506 и 1516 гг. Согласно договорам, русские, потерпевшие кораблекрушение у датских берегов, и датчане, потерпевшие кораблекрушение у русских берегов, освобождались от действия берегового права, и местные власти должны были оказывать им безвозмездную помощь в спасении товаров. Рассматриваемая статья жалованной грамоты также предписывала оказывать помощь датчанам (имелись в виду, конечно, в первую очередь датские купцы), потерпевшим кораблекрушение, и возвращать им товары, устанавливая, однако,

⁴¹ Русские акты, № 9, стлб. 24.

⁴² Ср., например, русско-ганзейский договор 1514 г. (СГГид, ч. V, № 65, стр. 59).

⁴³ Русские акты, № 9, стлб. 24.

определенное вознаграждение за помощь («перейм»⁴⁴) в размере одной десятой стоимости товаров (так следует понимать формулу: «а имати от тех бус переима от десяти рублей по рублю; а боле будет товару или менши, ишо по розчету имати переима от тех бус»). Текст статьи жалованной грамоты датскому купечеству повторял текст соответствующей статьи русско-ганзейского договора 1514 г. с той разницей, что в договоре 1514 г. статья имела двусторонний характер (она касалась ганзейских судов, прибывших к новгородским берегам, и новгородских судов, прибывших к ганзейским берегам⁴⁵), а в жалованной грамоте в соответствии с ее назначением — односторонний характер (рассматривался вопрос о датских судах, потерпевших кораблекрушение у русских берегов). Включение в текст жалованной грамоты статьи об освобождении от берегового права в той редакции, какая читалась в русско-ганзейском договоре 1514 г., должно было пресечь отдельные случаи вымогательства в отношении потерпевших кораблекрушение, которые имели место, вероятно, со стороны русских властей;⁴⁶ тем самым осуществлялась еще одна мера, направленная на создание благоприятных условий для развития торговли датских купцов в России.

Последняя, седьмая статья жалованной грамоты содержала гарантию для датских купцов свободного приезда и отъезда и повторно гарантию свободы торговли всеми товарами без исключения: «А приехати датские земли гостем в наши государства и отъехати со всяким товаром добровольно безо всякие зацепки, и торговати им всяким товаром без вывета».⁴⁷ Заканчивается жалованная грамота распоряжением великого князя привесить к ней печать и указанием на дату выдачи грамоты — июль 1517 г.⁴⁸

⁴⁴ О значении термина «перейм» в данном контексте см.: Н. А. Казакова. Русско-ганзейский договор 1514 г. В сб.: Вопросы историографии и источниковедения. М.—Л., 1963, стр. 574, прим. 40.

⁴⁵ СГГид, ч. V, № 65, стр. 58.

⁴⁶ Такие случаи в отношении ганзейцев приведены в статье: И. Э. Клейнберг. Кораблекрушение в русском морском праве XV—XVI вв. В сб.: Международные связи России до XVII в., М., 1961, стр. 361—362.

⁴⁷ Русские акты, № 9, стлб. 24.

⁴⁸ Помимо текста жалованной грамоты, изданного Ю. Н. Щербачевым по подлиннику, обнаруженному им в Копенгагенском государственном архиве, известен еще один вариант ее текста, изданный Н. М. Карамзиным и в «Собрании государственных грамот и договоров» по списку Московского архива Министерства иностранных дел (Н. М. Карамзин. История государства Российского, кн. II, СПб., 1842, Примечания к VII тому, стр. 27; СГГид, ч. V, № 79). Этот вариант отличается от Копенгагенского списка следующими особенностями: 1) сокращением текста (особенно это относится к началу грамоты, где опущено сообщение о приезде датского посла Давида с просьбой о пожаловании датским купцам новых привилегий), 2) заменой одних терминов другими, 3) иным смысловым значением частей некоторых статей. Наиболее яркие примеры замены терминов имеют место в следующих статьях: в статье первой,

Анализ жалованной грамоты показывает, что датские купцы получили на основе ее целый ряд весьма существенных прав и привилегий в России. Они получили право на владение собственными гостиными дворами в Новгороде и Ивангороде, право свободной торговли всеми товарами без исключения, гарантию личной безопасности и справедливого суда и, наконец, освобождение от берегового права при условии уплаты вознаграждения за спасательные работы в твердо установленном размере. Сумма этих прав не только равнялась тем, которые имели в России ганзейские купцы (наиболее привилегированная категория иноземных купцов) на основании последнего русско-ганзейского договора 1514 г. (разница имелась, как это указано выше, лишь в вопросах юрисдикции), но в некоторых отношениях и превышала их: датские купцы могли иметь двор не только в Новгороде, но и Ивангороде и право их торговли в России не было территориально ограниченным. Таким образом, в результате дарования Василием III жалованной грамоты датским купцам для торговли их

разрешающей датским купцам постройку в Новгороде и Ивангороде дворов п церквей, термин «перковь» заменен термином «кирка»; в статьях третьей и четвертой, касающихся вопросов юрисдикции и судопроизводства, термин «немчин» заменен термином «датчанин»; в статьях второй и седьмой, представляющих датским купцам право свободной торговли в России всеми товарами «без вывета» (без исключения), формула «без вывета» в одном случае опущена (ст. 2), в другом случае заменена формулой «без разбору» (ст. 7); в статье шестой, освобождающей датские корабли от берегового права, термин «буса» заменен термином «корабль». Смысловые изменения имеются в статьях первой и шестой. В статье первой в Копенгагенском списке место, отведенное датчанам для постройки гостиного двора в Ивангороде, определяется так: «... на посаде, за всечею избою, под горою, против стрелницы и ворот, которыми в город едять», в списке Московского архива Министерства иностранных дел — иначе: «В деревни Уваги избу под горою против Стрильской улицы к воротам против города». В статье шестой в Копенгагенском списке вознаграждение за спасательные работы устанавливается в размере 10% стоимости товаров («плати от тех бус переима от десяти рублей по рублю»), в списке Московского архива — в размере 50% их стоимости («взять ис того корабля от двух рублей по рублю»); несомненно, что редакция статьи шестой списка Московского архива является поздней, так как редакция статьи копенгагенского списка совпадает с аналогичной статьей русско-ганзейского договора 1514 г., откуда она и была заимствована. О позднем происхождении редакции, сохранившейся в списке Московского архива, говорят и приведенные нами примеры замены терминов: в русских документах начала XVI в. термином «немчин» обозначалась большая часть европейцев, в том числе и скандинавского происхождения, дифференциация же по национальностям появляется позднее; формула «без вывета» характерна для международных договоров России XV—начала XVI в., так же как и термин «буса»; совершенно очевидно, что формула «без разбору» и термин «корабль» более позднего происхождения; термин «кирка» для обозначения протестантских церквей в русских источниках также относится к более позднему времени. Все сделанные наблюдения над списком Московского архива свидетельствуют о том, что текст его представляет собой позднейшую сокращенную редакцию жалованной грамоты датским купцам 1517 г.

в России создавались наиболее благоприятные условия по сравнению с теми, которыми пользовались другие иноземные купцы.

Положение русских купцов в Дании в конце XV—начале XVI в. определялось нормами русско-датских договоров 1493, 1506, 1516 гг. Согласно договорам, русские купцы пользовались во владениях датского короля правом беспрепятственного проезда и торговли, защиты со стороны местных властей и справедливого суда, освобождением от берегового права. В 1517 г. датское правительство предприняло шаги для расширения этих прав. Христиан II обратился с воззванием ко всем купцам главнейших государств Европы — французским, английским, шотландским и в особенности голландским и русским, в котором приглашал их прибыть в Данию, поселиться в Копенгагене и вести торговлю с его подданными, обещая при этом свою королевскую охрану и большие привилегии.⁴⁹ Таким образом, в то же самое время, когда русское правительство даровало датским купцам на основе жалованной грамоты большие права и привилегии в России, датское правительство обещало провести аналогичные мероприятия в отношении русских купцов в Дании.

Чем же объяснялась обоюдосторонняя заинтересованность правительств России и Дании в развитии русско-датской торговли?

Одной из причин являлось, несомненно, сближение между Россией и Данией, заключение русско-датского союза, обусловленное политической ситуацией, сложившейся на севере Европы: политическое сближение имело своим следствием стремление к взаимовыгодному урегулированию всех остальных вопросов межгосударственных отношений, в том числе и вопросов торговых. Другая причина заключалась в стремлении обоих государств к развитию непосредственных торговых сношений с европейскими странами, минуя тягостное посредничество Ганзы.

Борьба с Ганзой, не только экономическим, но и политическим противником Дании, поскольку Ганза являлась союзником Швеции, была одним из важнейших направлений внешней политики Дании в начале XVI в. Не раз она приводила к прямым вооруженным конфликтам — войнам между Данией и Ганзой. Существенной частью борьбы с Ганзейским союзом, находившейся в тесной связи с политикой покровительства национальному купечеству, проводившейся датским правительством, являлось содействие развитию непосредственной торговли между датским купечеством и купечеством других европейских государств. Яркое воплощение этой политики представляло собой упомянутое выше воззвание Христиана II 1517 г. Таким образом, поощрение со стороны датского правительства развития русско-датской торговли находилось в связи с общим направлением внешне-торговой

⁴⁹ Г. В. Форстен, ук. соч., стр. 215.

политики Дании начала XVI в. и служило средством утверждения независимости ее внешней торговли.

Сказанное (только, конечно, в несколько иных масштабах) относится и к России. Еще Новгород Великий в первой половине XV в. начал борьбу с Ганзой, продолженную затем правительством Русского централизованного государства. Эта борьба велась по двум направлениям: по линии ограничения привилегий ганзейцев в сфере торговли в Новгороде и по линии содействия развитию заграничной торговли новгородского купечества. В конце XV—начале XVI в., после закрытия немецкого двора в Новгороде в 1494 г., предметом особой заботы русского правительства становится вопрос о положении русского купечества в Ливонии и создании благоприятных условий для его деятельности в ливонских городах.⁵⁰ Но наряду с этим для внешнеторговой политики русского правительства рассматриваемого периода было характерно стремление к развитию непосредственных сношений между русским купечеством и купечеством других европейских стран. Мы уже отмечали, что великокняжеское правительство оказывало покровительство торговле датчан и шведов в Ивангороде; по русско-литовскому договору 1503 г. русским купцам в литовских землях и литовским — в русских землях было предоставлено право торговли всеми товарами, которого они раньше не имели; в начале второго десятилетия XVI в. завязываются непосредственные сношения между русскими купцами и агентами Фуггеров — крупнейшего банковского и торгово-промышленного дома южной Германии (в ливонских источниках, относящихся к 1511—1513 гг., имеются известия не только о торговле агентов Фуггеров с новгородскими купцами в ливонских городах, в частности в Нарве, но и о пропихивании их даже в Москву,⁵¹ очевидно, с ведома русских властей).

Покровительство со стороны русского правительства развитию торговли между русским купечеством и купечеством других европейских стран находилось в непосредственной связи с его ганзейской политикой. Оно имело целью освобождение русской внешней торговли от тягостной опеки ганзейцев, развитие непосредственных экономических связей между Россией и Западной Европой. Особую роль в этом отношении должны были сыграть купцы

⁵⁰ Подробнее о политике Новгорода и Русского централизованного государства в отношении Ганзы см.: Н. А. Казакова. 1) Из истории сношений Новгорода с Ганзой в XV в. «Исторические записки», 28, 1949, стр. 111—132; 2) Из истории торговой политики Русского централизованного государства XV в. «Исторические записки», 47, 1954, стр. 259—291; 3) Ганзейская политика русского правительства в последние годы XV в. В сб.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран, М., 1963, стр. 150—158; 4) Русско-ганзейский договор 1514 г.

⁵¹ HR 3, Bd. VI, № 117, AR, № 53, § 25; № 54, §§ 15, 55 (письмо Дерпта Ревелю от 11 января 1511 г. и речессы ландтагов в Вольмаре в июне 1512 и августе 1513 гг.).

Дании, страны, с которой Россия была связана дружественным договором и которая вела ожесточенную борьбу против торгового и политического преобладания Ганзы на Балтийском море. Отсюда те привилегии, которые по жалованной грамоте 1517 г. получали датские купцы в России.

В какой степени датские купцы в России и русские в Дании сумели воспользоваться создавшейся выгодной для них ситуацией — это вопрос специального исследования, охватывающего последующий за 1517 г. хронологический период.⁵²

⁵² В известной мере ответ на этот вопрос дает русско-датский договор 1562 г. Статья договорной грамоты Ивана IV с Фредериком II, касающаяся вопроса о гостинных дворах, гласит: «А что божиею милостию мой великого государя царя и великого князя всеа Руси был двор купецкой в твоей Фредериковой вотчине в Датской земле в городе в Готланде и что твои Фредериковы королевы датского были два двора купецкие, один в Великом Новгороде, а другой двор на Иванегороде, — и тебе Фредерику королю двор купецкой в Готланде моим великого государя купцом и гостем очистити, а другой двор дати в Копонгове; каковы даны дворы купцом Датские земли в Великом Новгороде и на Иванегороде, и мне великому государю те старые дворы очистити, а те дворы купцем и гостем ставити самим» (Русские акты, № 20, стр. 74). Из текста этой статьи, в которой о датских дворах в Новгороде и Иванегороде говорится как о «старых дворах», подлежащих «очищению» со стороны русских властей, следует, что дворы эти какое-то время после 1517 г. существовали и действовали и лишь потом были заняты русскими. Что касается упоминаемого в договоре русского купеческого подворья на Готланде, то оно впервые упоминается как «становище на Гоцком березе» в договоре Новгорода с Готландом, Любеком и немецкими городами 1262—1263 гг. (Грамоты Великого Новгорода и Пскова, № 29). Существовало ли оно и действовало ли в последующие столетия непрерывно или с перерывами, или деятельность его прекратилась полностью, по этому вопросу источники не дают никаких указаний. Можно предполагать, что в связи с заключением русско-датского союза и созданием благоприятных условий для развития русско-датской торговли в конце XV—начале XVI в. русский купеческий двор на Готланде какое-то время в первой половине XVI в. функционировал и лишь позже был занят датчанами.